

Виолетта Трофимова

Прорыв

Повести и рассказы

Виолетта Трофимова

Прорыв

«Издательские решения»

Трофимова В.

Прорыв / В. Трофимова — «Издательские решения»,

Сборник повестей и рассказов «Прорыв» то переносит читателя в прошлое — на век назад, то возвращает в абстрактную, но узнаваемую современность. Это мистическая книга о жизни, судьбах людей и о любви.

Содержание

Письмо в прошлое (письмо незнакомки)	6
Один день и вся жизнь	8
Слишком тонкая нить	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Прорыв
Повести и рассказы
Виолетта Трофимова

© Виолетта Трофимова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Письмо в прошлое (письмо незнакомки)

Я не знаю, зачем взялась за карандаш, возможно потому, что хочу избавиться от одолевших меня в последнее время мыслей. Мне казалось, я уже думать перестала о тебе, но это не так. Ты вернулся, и я вновь охвачена этим вихрем, имя которому – *ты*.

У меня есть все. Все для меня – это то, что я люблю. У меня есть любимые люди – моя семья, любимая страна – моя родина, любимое дело – и даже не одно, любимый учитель, в конце концов. И вдруг появляешься *ты, ты*, который умер девятью пять лет назад, и я не могу заниматься любимым делом, я не могу думать о своем учителе. Я думаю о тебе. Я все время думаю о тебе. Уйди из моих мыслей, прошу тебя. Прошу и сама не знаю, хочу ли этого. Зачем ты вообще появился, ты, который умер так давно? Мы не можем встретиться в этой жизни, если только часть тебя не живет во мне, в моей душе. Если только странная игра природы не сделала нас с тобой близкими, разделив наши пути во времени. Нас так много объединяет. Может быть, именно тебя я искала всю жизнь, именно на тебя хотела быть похожей. Мы похожи, странник из прошлого, чья душа всегда рвалась на свободу, а ноги уносили в другие земли, через моря и океаны, и не было такого пути, которого ты не мог бы преодолеть. Это я не могу найти тебя в этом мире, потому что смерть не дала нам пока встретиться, а если ты родишься в другом образе, как я смогу отыскать тебя? Как я узнаю тебя?

Однажды, когда мне было очень плохо, на вопрос «во что ты веришь» я ответила: «Я верю в себя». И вот я читаю, я слышу твои слова: «Прежде всего, нужно верить в себя. Сначала – вера в себя, потом – вера в бога». Странно, я ни у кого пока не встречала этих слов. Я сама произнесла их когда-то случайно, а теперь вот думаю – может, я права, вернее, мы оба правы? Забавно, правда – я начинаю говорить «мы». Ты уж извини, но у нас слишком много общего, чтобы нельзя было этого говорить.

Я как будто вижу тебя, маленького мальчика с глазами гения, скачущего на лошади или переплывающего реку, поющего песни своей страны и с интересом изучающего всевозможные науки. Но в душе у этого мальчика – тоска, мечта о высшем, об идеале, неудовлетворенность тем, что он имеет. О боже, как мне это знакомо! Как мне знакома эта проблема выбора, выбора будущего пути. Нам нужно все: и высшая истина, и знание, и власть, и слава, и возможности – мы можем все, но жизнь не может предоставить нам всего сразу, и мы идем по ложной дороге, плутаем, ты находишь свой путь, своего наставника, я тоже нахожу свою дорогу, но ты идешь вперед, а я стою у ее начала, делая какие-то мелкие шаги, и все чего-то жду. Я знаю, чего я жду – я жду своего часа, когда я пойду по своей дороге и никогда не вернусь назад.

А ты уже нашел свою любовь. Эта любовь – твой учитель, которого и я глубоко уважаю, он нежно и страстно любит тебя, и ты отвечаешь на его обожание. Ты счастлив рядом с ним, вы разные, но, может быть, именно это притягивает вас друг в друга. Но проходит пять лет, его не стало, ты остался один, с его силой и своей собственной. Перед тобой твой путь, и ты знаешь, что тебе не избежать его.

Пожалуй, я остановлюсь пока. Ведь никаких книг не хватит, чтобы описать даже простую человеческую жизнь, тем более – жизнь гения, которым ты был. Я, например, – не гений. На меня иногда находит вдохновение, и я могу тогда сделать что-нибудь прекрасное. Но чтобы всегда жить на пределе – так я не могу. А ты мог.

Твоя жизнь бывает порой похожа на сказку. После смерти своего учителя ты читаешь его ученикам Евангелие, и вы решаете продолжить его дело, но ты не можешь оставаться с ними. Их любовь к тебе – рабство для тебя. Ты вырываешься на свободу, уходишь нищенствовать, странствовать по своей родине. Я не могу этого принять в тебе. Я, наверное, слишком твердо стою на ногах на этой земле, чтобы принять такую форму свободы. Мне она не нужна. Тебе – необходима, как воздух. Но ты нужен людям, даже если тебе кажется, что они тебе не нужны,

и ты возвращаешься к людям, но преображенный, взяв их боль на себя, взяв решение их проблем на свои плечи.

О Боже, почему я не могла взять половину твоей боли на себя! Тебе было бы легче, ты смог бы еще побыть в этом мире, и мне не было бы слишком тяжело, ведь я – сильная, я – женщина, а женщина часто бывает сильнее мужчины. Не знаю, сильнее ли я тебя. Да и какая разница, ведь эта моя сила пока дремлет во мне, а твоя перенесла тебя через океан, и через множество препятствий принц из сказки достигает своей цели – Парламента религий.

Тебе не удавалось скрыть свою личность, когда ты скитался по своей стране. Но здесь ты и не хочешь скрываться. Ты пришел сюда как завоеватель, и ты завоеуешь этих людей. Ты слишком прекрасен и душевно, и телесно, ты слишком гениален, чтобы их не покорить.

Я никогда не видела твоего портрета, но я снова и снова представляю себе, как ты встаешь, чтобы начать свою речь. Ты волнуешься – кто не знает, что такое волнение! – но в тебе все как будто приподнято, ты весь вскидываешься, твои глаза сияют – и в ответ на твои первые слова люди встают тебе на встречу. Это твой триумф, ты его ждал, ты его заслужил. Молодой человек, которому еще нет тридцати, становится главным событием в Парламенте религий.

Что-то меня опять тянет рассказывать о твоей жизни. Я переживаю с тобой твой успех, я чувствую твою боль. Я понимаю тебя, нутром понимаю, когда ты отказываешься говорить перед хитрой и злобной аудиторией. Я понимаю тебя, когда тебе плохо, когда ты страдаешь, я сама знаю, что такое чувствовать боль других. Ты уходишь во мрак и пытаешься его познать. Что ж, я тоже писала работу о дьяволе. Но тьма увлекает тебя, тебя заносит, ты никак не можешь выбраться из нее, ты воспеваешь ее. Твой путь подходит к концу, ты отправляешься в свое последнее путешествие, возвращаешься обратно. Наконец тебе дано немного покоя. Тебе дано самому решить свою судьбу – ты сам выбираешь час своей смерти. В этом, наверное, твое мужество и твоя слабость. Ты устал от мира уже давно, и, наконец, у тебя появилась возможность его покинуть. И ты покинул его в тридцать девять лет. Не рано ли, Нарен?

Служить богу в человеке – твоя первая заповедь и первейшая задача. И ты претворял ее в жизнь, организовывая людей для помощи самым несчастным, самым обездоленным. Ты призывал одновременно и служить ближним, и создавать человека в себе. Но невозможно в один миг изменить мир. Не все люди – герои, не все такие, как ты.

Ну вот, я опять говорю что-то не то. Я ведь не имела целью тебя осуждать. Наоборот, я восхищаюсь тобой, твоей искренностью, смелостью. И я прекрасно понимаю людей, которые шли за тобой, тех женщин, которые влюблялись в тебя – что говорить, ведь в тебе было во что влюбиться. И я понимаю твою Маргариту, которая так полюбила тебя, что поехала за тобой в твою страну и осталась там навсегда. Не знаю, любил ли ты ее хоть вполтину того, как она тебя любила, не знаю, было ли между вами что-либо кроме платонических чувств, а если и было, что мне за дело? Я не буду вас осуждать. Напротив, это лишь доказало бы твою человечность. Вас обоих можно было бы понять. Ну вот, меня опять занесло. Теперь я начинаю осуждать твою личную жизнь. Это нехорошо с моей стороны. Едва ли я имею право на это.

Ты знал, что наш век будет ужасен. И это давило на тебя. Нас разделили во времени две мировые войны и тысячи бедствий. Тебе трудно было бы это вынести, с твоей впечатлительностью. Но я живу в другое время, и как бы ни был ты мне близок по духу, меня окружают другие люди, и я должна общаться с ними, хотя, быть может, среди них и нет подобного тебе. Оставь меня, прошу тебя. Я не хочу гоняться за призраками. Прости, но ты для меня – лишь *призрак*.

Не знаю, зачем я все это написала, но я была искренна. Если бы я жила в одно время с тобой, я бы, наверное, любила тебя. Но нам не преодолеть этих ста лет. Так прости меня и не волнуй больше мою душу. Я думаю, я уверена, ты слышишь меня.

Один день и вся жизнь

Посвящается Нарену и Поли

Лодочная станция еще не успела начать свою работу, когда к берегу уже причаливало каноэ. Для столь раннего утра это было, мягко говоря, необычно. «Кто бы это мог быть?» – подумал заспанный лодочник, выходя взглянуть на гребца. Однако когда он увидел выпрыгнувшую на берег женщину, которая затем легко втащила туда же лодку, он все понял. Лодочник знал только одну такую женщину.

– Мисс Смит, что-то вы сегодня раньше обычного! – крикнул он.

– Неужели? Я, право, и не заметила. Это, наверное, потому, что мне сегодня уезжать. Завтра у меня первое выступление в Эдмонтоне.

– Желаю удачи, мисс Смит.

Мисс Виргиния Смит была очаровательной девушкой лет двадцати пяти со смешливыми серыми глазами, живым лицом, обрамленным густыми каштановыми волосами. Казалось, она не могла быть серьезной, настолько веселым и задорным был весь ее облик. К тому же она была поэтессой. Правда, публикаций у Виргинии было всего несколько, но она твердо верила в удачу.

Прекрасная летняя погода только подкрепляла ее отличное настроение. В этот день Ванкувер казался Виргинии еще красивее. Она была уверена, что что-то должно произойти. Возможно, это из-за завтрашнего вечернего выступления в городском собрании. Виргиния уже читала собственные стихи в салонах родного Брантфорда, но давно, да и слушателей тогда собиралось немного. Брантфорд... На миг она стала серьезной. Виргиния едва ли могла припомнить, когда в последний раз была дома. После смерти отца она старалась помочь семье не скатиться в нищету, выступала, печаталась в журналах. Но потом ее братья смогли найти приличную работу, и Виргиния с легким сердцем попрощалась с мамой и сестрой и отправилась в путь. Способ передвижения она выбрала не из легких – на каноэ. Но разве существовало в мире что-нибудь такое, с чем бы не справилась мисс Смит!

Отец Виргинии был индейцем, вождем племени моговков, правда, он долгое время жил среди белых, работая переводчиком при резервации. Девушка очень гордилась индейским происхождением и, несмотря на внешнюю непохожесть на индейцев, носила звание, или прозвище «принцесса моговков». Часто люди отказывались верить, что она принадлежит к народу ирокезов. И тогда Виргиния полушутливо, полусерьезно старалась это доказать.

Отбросив воспоминания, девушка вновь стала веселой и задорной. Позавтракав в одном из городских кафе, она шла по улице, думая о завтрашнем выступлении. До поезда было еще довольно много времени. Неожиданно голос где-то сзади вывел ее из размышлений.

– Извините...

Виргиния обернулась и так и застыла на месте.

Перед ней стояло существо совершенно невероятного вида. Это был молодой (во всяком случае, как ей показалось) мужчина в ярко-красном халате, перехваченном на поясе оранжевым шнурком, большом желтом тюрбане, оттенявшем черноту волос, падающих на его лоб. Он был высок ростом, широк в плечах, его осанка была царственно-великолепной. Черты его лица были правильными, но во всем его облике больше всего внимания привлекали глаза. Это были воистину необыкновенные глаза – в них как будто бушевал огонь. Видя ее замешательство, мужчина осторожно спросил:

– Извините, пожалуйста, вы не подскажете, как пройти к вокзалу?

Немного придя в себя от неожиданности, Виргиния ответила, мило улыбаясь:

– Вы знаете, я как раз туда направляюсь. Если хотите, пойдёмте вместе.

– Если вы позволите, – пытаюсь быть вежливым, поблагодарил незнакомец, тоже улыбувшись, отчего его смуглое лицо прямо-таки засияло. Виргиния никак не могла дать определение тому, что она чувствовала в присутствии своего странного спутника, но это ощущение нельзя было назвать неловкостью. Некоторое время они шли молча, но потом она набралась смелости и спросила:

– Простите, вы актер?

– Нет, – рассмеялся мужчина. – Я ученый, занимаюсь индийской философией и санскритом. Меня зовут Вивасвант Рао, я из Калькутты.

– А я – мисс Виргиния Смит, – отозвалась девушка. – Будем знакомы. Вы уж простите меня за мой дурацкий вопрос.

– Не стоит извинений. Знаете, этот наряд дали мне мои друзья. Наверное, он выглядит нелепо...

– Нет, напротив, вам очень идет! – горячо возразила Виргиния. Она еще хотела добавить: «Вы очень красивы», но постеснялась. И опять-таки себе удивилась. С этим человеком она чувствовала себя совершенно по-особенному. Внутри у нее как будто что-то распахнулось. Она, веселая и бойкая девушка, становилась не то что бы смелее, но просто свободнее.

Они дошли до вокзала, где Вивасвант взял билет до нужной ему станции. Виргиния хотела было распрощаться с ним, но оказалось, что они едут на одном и том же поезде. Вивасвант посмотрел на нее удивительным взглядом, в котором сочетались сила и наивность, и девушка поняла, что ждала именно этого. Он улыбнулся и искренне порадовался тому, что ближайшие два-три часа они проведут вместе. А Виргиния в очередной раз подумала о том, какая, наверное, необыкновенная страна – Индия, если там такие ученые.

Она была знакома с ним всего час, но ей казалось, что она знала его всю жизнь. Его одежда, его легкий акцент, своеобразная манера держаться – все это Виргиния переставала порой замечать. Они перекусили в вокзальном ресторане, и посетители с удивлением смотрели на странную пару – красивую девушку в европейском платье и молодого человека в желтом тюрбане, которые разговаривали, энергично жестикулируя и смеясь. Виргиния была известная хохотушка, но и Вивасвант от нее не отставал.

– Вы когда-нибудь бываете серьезным? – спросила она его.

– Да, например, когда у меня что-нибудь болит.

– Какой же вы шутник, Вивасвант, – рассмеялась Виргиния. – Эдак мы с вами на поезд опоздаем, и плакало мое завтрашнее выступление.

– Ну, мой конгресс начнется еще не завтра. Я еще успею добраться до Чикаго.

Мисс Смит покачала головой, и они вместе вышли на платформу. Вивасвант оживленно рассказывал ей об индийских поездах. Оказалось, он объехал чуть ли не всю Индию и железной дорогой пользовался не раз. Один из его лучших друзей был начальником станции.

У Виргинии язык не поворачивался назвать его рассказы болтовней, настолько яркими и увлекательными они были. Девушка не могла, да и не пыталась избавиться от чар этого человека. Но и сама она в его присутствии становилась прекраснее.

Они сидели в купе друг напротив друга, и Виргиния никак не могла оторваться от созерцания лица своего спутника. Вивасвант, напротив, посматривал иногда в окно и все время восторгался красотой канадских пейзажей. Девушка тысячу раз слышала подобные восторги, но в его устах они становились совсем другими. Они были искренними, и хотелось верить каждому его слову. Кто, как не Виргиния, мог оценить его восхищение Канадой! Кто знал и любил Канаду больше мисс Смит! Едва ли был такой человек. Но Вивасвант, не уставая любоваться появляющимися за окном видами, не забывал и об Индии. Он так увлекательно говорил о красотах своей родины, что Виргинии невольно захотелось их увидеть. Она стала рассказывать о себе, о своих странствиях, и с удивлением обнаружила, что Вивасвант такой же замечательный слушатель, как и рассказчик. А потом они замолчали на некоторое время, но не для того,

чтобы осмыслить уже сказанное, а потому, что слова были просто не нужны. Любая мысль Вивасванта была не только понятна Виргинии, она была ее собственной мыслью. Любую его фразу она могла закончить, не дожидаясь, пока закончит ее он. За всю свою жизнь она не встретила человека, которого понимала бы так глубоко.

Потом Виргиния начала читать свои стихи. Она могла поклясться, что никогда не вкладывала в них столько чувства, но все равно слова казались бледными по сравнению с тем, что она хотела выразить. Вивасвант слушал ее с большим вниманием и вдруг запел. О, у него был незабываемый голос! Глубокий, бархатный баритон, казалось, обволакивал все купе. Его песня была непривычна для слуха девушки, но от этого она не становилась менее очаровательной. В какой-то момент Виргиния перестала замечать все, что ее окружало. Она чувствовала только его, она жила им, растворялась в нем, в его глазах, его голосе. Его пение соединялось с ее стихами, и Виргиния погрузилась в волны ощущений, которых никогда раньше не испытывала. Их руки сплелись, как и их сердца...

Вивасвант очнулся от громко произнесенного кем-то названия станции, где ему нужно было выходить. Он медлил. Ему хотелось ехать дальше со своей потрясающей спутницей, но он не имел на это права. Он не должен был предавать обещания, данные в Индии: найти деньги для бедняков, принести славу родине... Так считал Вивасвант. Но он никак не мог придумать, как попрощаться с Виргинией. Она уже начала освобождаться от его чар, во всяком случае, она посмотрела на него как-то смущенно и вынула свои руки из его рук.

– Мне нужно выходить, мисс Смит, – сказал он через силу.

Виргиния, казалось, не поняла, о чем он говорит.

– До свидания, – тихо добавил он.

Она ничего не ответила. Вивасвант встал и решительным шагом вышел из купе.

Виргиния очнулась через секунду, вскочила на ноги, выбежала в коридор и бросилась к выходу с криком:

– Вивасвант, подождите, я с вами! Подождите меня, я иду!

Поезд уже давно тронулся, и Виргиния едва различила на удаляющейся платформе его красное одеяние. Она продолжала еще что-то кричать и ударять руками по стеклу, но вскоре поняла, что это бесполезно. Их пути разошлись. Виргиния застыла на месте и неподвижным взглядом смотрела в окно. Ей показалось, что свет померк.

Вивасвант Рао покорила слушателей конференции тем же, чем раньше и Виргинию. Его выступление было ярким и непосредственным, искренним и содержательным. То, что он говорил, он открыл сам, пережил сам. Ему безумно хотелось, чтобы именно мисс Смит, очаровательная Виргиния слышала его доклад и оценила его. Но это было невозможно, поэтому весь поток похвал, обрушившихся на Вивасванта, отдавал горечью. Но он сам сделал выбор, и поэтому заставлял себя думать о другом: о своей миссии, о долге перед родиной. Теперь он стал знаменитым и мог претворять свои планы в жизнь.

Выступление Виргинии Смит в городском собрании Эдмонта было не менее блестящим. Ее красота, эмоциональность и еще глубокая печаль поразили зрителей. Первую половину вечера она выступала в наряде индейской принцессы и читала стихи, посвященные своему народу (ведь именно ирокезов она считала «своим» народом). Во втором отделении она предстала перед публикой в изысканном вечернем платье. Все были в восторге. Под конец вечера Виргиния даже принялась шутить, и зрители оценили ее юмор. Но на сердце девушки было тяжело. Она еще не избавилась от боли разлуки, хотя всячески гнала мысли о Вивасванте.

Домой, в Брантфорд, мисс Смит вернулась известной поэтессой. Ее стали приглашать в салоны, где она неизменно пользовалась успехом. На одном из балов она познакомилась с Томми Мак-Дугласом. Это был ее ровесник, блондин с серыми глазами, среднего роста, довольно привлекательный. Ее сестре и братьям Томми не понравился из-за несколько развязных манер, но в присутствии Виргинии он становился воспитанным и обходительным. Он

был артистом и вот уже пару лет выступал с маленькими комедийными сценками. Виргиния почувствовала в нем родственную душу, и они оба потянулись друг к другу. Сначала они просто встречались в салонах, а потом решили вместе выступать.

Отныне для Виргинии началась жизнь на колесах. Она научилась писать стихи в поезде и в гостинице, используя специальную дощечку. Вместе с Томми они объездили половину Канады, давая представления перед шахтерами, фермерами, высшим обществом и даже самим генерал-губернатором. Виргинии некогда было скучать. Но по прошествии двух с половиной лет такой жизни она почувствовала дикую усталость. Ей нужно было остановиться, посмотреть назад и одновременно подумать о будущем. Ей необходимо было писать, а на это у нее катастрофически не хватало времени. И она вернулась в Брантфорд.

Та зима выдалась особенно холодной и снежной. Виргиния часами просиживала у окна, думая о своих представлениях, о своих последних публикациях, о Томми Мак-Дугласе, весельчаке и балагуре, с которым ей ни разу не приходилось впадать в уныние. Но даже улыбка, вызванная мыслью о Томми, не развеяла угнетавшую ее тоску. Девушка ходила по комнате, и на память невольно приходили собственные строчки: «Когда ты был царем Египта, я – его царицей». Ей хотелось кричать, кричать в голос, и она сжимала кулаки, пытаясь взять себя в руки, но не могла. Виргиния смотрела на снег, и в летящих снежинках она видела его лицо, лицо, которое тысячу раз клялась себе забыть. Вновь на нее смотрели его огромные, в пол-лица глаза, а она изо всех сил гнала его образ. Но девушка вынуждена была признать, что никогда не видела человека, равного Вивасванту по обаянию и уму. Да и по чувству юмора его даже Томми не обогнал. Ощущая предательскую пустоту в сердце, Виргиния тихо позвала:

– Вивасвант! Вивасвант!

Но он был далеко, и не мог ей ответить.

Мисс Смит была сильной девушкой. Мисс Смит не привыкла пасовать ни перед какими трудностями. «Пусть мечта о несбыточной любви остается мечтой, – подумала она, – а мне нужно работать. Нужно возобновить выступления. Сегодня же pošлю телеграмму Томми».

Через месяц Виргиния снова читала стихи со сцены.

Весна в Калькутте стояла жаркая, не в пример канадской. Изнемогая от духоты, у здания городской больницы прогуливались двое мужчин.

– Не знаете, как там доктор Рао? – поинтересовался один из них. – Угораздило же его попасть в больницу в такую жару.

– Да уж, – отозвался другой. – В последнее время у него все шло как по маслу. А вот после смерти Пита он стал сам не свой. Замкнулся в себе, ни с кем не разговаривал. Конечно, такой удар. Сколько же лет было Питу? Двадцать пять, или чуть больше?

– Около этого. Вивасвант любил Пита, тот был одним из его лучших друзей.

– Пит тоже любил Вивасванта. Он ведь стал его секретарем и даже приехал вместе с ним в Индию.

– Да... А на его похоронах Вивасвант сначала молча шел за гробом, а потом вдруг упал в обморок. Его отправили в больницу, но он так и не пришел в сознание. Сказали, что у него нервное истощение.

Тем временем в палате несколько врачей и медсестер пытались удержать могучее тело доктора Рао, сотрясавшееся как в лихорадке.

– Беспокойный дух пытается покинуть плоть, – заметил кто-то.

– Но только не в тридцать два года, – возразила Кастурбай, державшая Вивасванта за плечи. Кастурбай, не то врач, не то медсестра, была высокой полной девушкой лет двадцати-двадцати двух с низким грудным голосом и крутым нравом. Говорили, что она монашенка. Ее не любили за резкость по отношению как к пациентам, так и к коллегам, но уважали за то, что среди ее больных практически не было смертельных исходов.

– Ну же, Вивасвант! – кричала она. – Держитесь, вы же такой сильный! Вы должны жить!

Его продолжало трясти.

– Вколите же ему успокоительное! – приказала Кастурбай.

И вдруг здесь, на грани жизни и смерти, Вивасвант широко раскрыл свои громадные глаза и закричал:

– Виргиния! Виргиния!

– Кто это? – спросила Кастурбай.

Никто из присутствующих не смог вспомнить среди его американских или европейских друзей ни одной Виргинии.

А на другом конце света мисс Смит, мирно читавшая дома какую-то книгу, вскочила на ноги и спросила:

– Меня кто-нибудь звал?

– Нет, Верджи, никто тебя не звал, – отозвалась ее мама. Это была немолодая, но все еще привлекательная женщина, обладавшая способностью сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

– Может, мне показалось... Так странно...

– Но никого же нет дома, Верджи, – объяснила ей мать.

– У меня нехорошее чувство.

– Думаешь, что-нибудь случилось?

– Не знаю.

Мать Виргинии была решительной женщиной.

– Ладно, – сказала она. – Я сейчас выйду на улицу, схожу в контору Джона и Билла и зайду к Эмме.

– Спасибо, мама, – улыбнулась Виргиния.

Через некоторое время миссис Смит вернулась.

– Ну, как? – со страхом спросила ее девушка.

– Все в порядке, Верджи, – ответила ее мать. – Все живы-здоровы. Тебе, наверное, показалось.

– Слава богу, – облегченно вздохнула Виргиния. Правда, на сердце у нее все равно было неспокойно.

– Кстати, я видела Томми, – сообщила миссис Смит. – Он обещал зайти.

– Пусть приходит, – несколько равнодушно сказала Виргиния.

В течение многих дней девушку снедала непонятная тревога. Но от этого ее выступления были еще более блестящими. Страх перед неизвестностью, печаль, тоска, которые она испытывала, входили в ее стихи и трогали слушателей за душу. Она казалась прекраснее, чем когда бы то ни было. Томми, пораженный в самое сердце ее величавой красотой, задержал ее однажды после представления и сказал:

– Выходи за меня замуж.

Виргиния холодно взглянула на него и ответила:

– Я подумаю.

Думать, она, правда, не собиралась. Для нее и так все было ясно.

Лето мисс Смит проводила с матерью в Брантфорде. Вышел первый сборник стихов Виргинии, и это было долгожданным и радостным для нее событием. Они с мамой дали прием по этому поводу, где девушка читала свои стихи под бурные аплодисменты гостей. Томми Мак-Дугласа там не было. Это удивило миссис Смит.

– Я давно хотела тебя спросить, Верджи, – сказала она. – Что ты ответила Томми? Ты согласна выйти за него замуж?

– Я ему отказала, – твердо сказала Виргиния.

– Почему? – удивилась мама. – Ты его не любишь?

– Я люблю другого.

Миссис Смит удивилась еще больше.

– А он тебя любит?

Девушка замялась, но, вспомнив странный случай с чьим-то зовом, твердо ответила:

– Да, он тоже любит меня.

– И кто же он? – с интересом спросила ее мама.

– Он ученый, занимается философией.

– А где он? – уже с иронией поинтересовалась миссис Смит.

– Он далеко.

– Давно ты его знаешь?

– Давно. Мы вместе ехали в поезде из Ванкувера. Больше я его никогда не видела.

Мать Виргинии рассмеялась.

– И что ж ты думаешь, он к тебе приедет?

– Я ничего не думаю, мама, – взволнованно произнесла Виргиния. – Но я не хочу обманывать Томми. Я никогда не смогу его полюбить.

Мать Виргинии обняла дочь.

– Мечтательница ты моя! Бог с ним, с Томми, он неплохой парень, но не для тебя. Ты у меня такая красивая, умная, талантливая, ты еще найдешь своего принца.

Ее принц шел на поправку медленно. Не помогала ему в этом и удушающая жара, перемежавшаяся с ливнями. Да и настроение у Вивасванта было не лучшим. Ничто не радовало его, и это очень беспокоило его мать, которая проводила в больнице сутки напролет. Его отец умер еще десять лет назад, а у братьев и сестер были свои дела, и они не могли сидеть с ним целыми днями. Часто приходили друзья, но никому не удалось вывести его из подавленного состояния.

Однажды мать Вивасванта беседовала с Кастурбай в больничном саду. Жара несколько спала, подходил к концу сезон дождей.

– Ваш сын мне не нравится, – прямо заявила Кастурбай. – Он плохо выполняет врачебные предписания, не всегда принимает лекарства.

– Ничего не могу с ним поделать, – развела руками ее собеседница. – Мне тоже не нравится его поведение. Сделайте что-нибудь, Кастурбай! – взмолилась она. – Вы одна можете ему помочь! В вас столько силы, энергии, упрямства! Вы как Шикхандин¹, честное слово!

Девушка грустно рассмеялась.

– Сделаю все, что смогу, амма.

– Благодарю.

Вивасвант сидел на койке и курил трубку. Когда Кастурбай вошла, он не обратил на нее никакого внимания.

– Прекратите курить! – прикрикнула на него девушка. – Или вам жизнь не дорога! С таким отношением к здоровью вы долго не протянете.

– А что такое жизнь? – произнес нараспев Вивасвант. – Жизнь – это борьба... с ветряными мельницами, амма.

– Хватит философствовать, – грубо оборвала его Кастурбай. – Лучше подумайте о том, как будете жить дальше.

– А ради чего мне жить? – как-то отрешенно спросил Вивасвант и встретился глазами с твердым взглядом Кастурбай. Он понял: не ради чего, а ради кого... Отбросив трубку, он вскочил с постели и выбежал вон.

– Куда вы? – крикнула Кастурбай.

– Куда-нибудь подальше отсюда. Я должен ее найти. Я должен найти Виргинию.

Его мать была, конечно, счастлива, что сын вернулся к нормальной жизни, но его решение ехать в Канаду приняла в штыки.

---

¹ Шикхандин – женщина, поменявшая пол ради того, чтобы сразиться в битве с врагом.

– Ты сошел с ума! – восклицала она. – На ком ты вздумал жениться? На чужестранке? Как жаль, что я поверила, что ты будешь жрецом и не женила тебя в детстве! Я, конечно, знаю ваше с отцом пренебрежение к кастам, но все равно, это неслыханно!

– Перестань, мама, – мягко отвечал ей Вивасвант. – Я люблю Виргинию. Она будет тебе послушной дочерью. А о ее происхождении не беспокойся – в своей стране она принцесса.

Мисс Смит после разрыва с Томми Мак-Дугласом некоторое время выступала одна и весьма успешно, но, не в силах совладать с желанием только писать стихи, удалилась в старое имение своего отца под Брантфордом. Ее книги хорошо раскупались, что принесло ей даже некоторый доход. Разумеется, Виргиния чувствовала удовлетворение, но ей этого было мало. Лишь в стихах она могла выразить тоску по Великой Любви, которая единственный раз осенила ее своими крылами. Девушка жила тихо, редко принимала гостей, да и сама мало куда ездила. Иногда к ней навещалась мама, и тогда они катались на лодке вверх-вниз по реке, протекавшей совсем рядом с домом.

Однажды Виргиния выбралась в Оттаву и отправилась там в библиотеку. Стоя перед входом, она почувствовала дикий страх. Но, тем не менее, она заставила себя войти.

С большим трудом девушка объяснила библиотекаря, что ей нужны работы по индийской философии Вивасванта Рао. Ей тут же сообщили, что господин Рао – автор множества исследований по индуизму, философии адвайты и санскритскому языку, почетный доктор Гарвардского и Калифорнийского университетов, один из авторитетов в этих областях. Но в библиотеке был только крошечный сборник его речей об индуизме и индийской культуре. Читая его, Виргиния очаровывалась каждым словом, каждой мыслью Вивасванта. Казалось, вернулся тот летний день, когда они вместе шли по улицам Ванкувера, разговаривали, сидя друг напротив друга в поезде. В какой-то момент она даже захотела поехать в Индию, чтобы найти его там, но потом осознала, что это невозможно. Виргиния вернулась в усадьбу, занялась обычными делами. На первый взгляд, поездка в Оттаву никак на нее не повлияла, только стихи ее стали более меланхоличными.

Служащий муниципалитета города Торонто не сразу заметил посетителя, но когда увидел его, здорово удивился. Человек этот не был похож ни на индейца, ни на негра, ни на белого. Правда, заговорил он на чистейшем английском:

– Простите, я ищу мисс Виргинию Смит.

– Поэтессу?

– Ну да, разумеется.

– Но она не живет в Торонто.

– А где она живет?

– Раньше она много путешествовала, много выступала, у нас в городе тоже бывала.

А потом исчезла.

Посетитель сел на стул и уронил голову на руки.

– Я объездил городов десять, – сказал он. – И везде мне говорят одно и то же.

Вивасвант действительно проехал пол-Канады, Виргинию везде знали, подарили ему сборник ее стихов, но никто не знал, где она находится.

Служащий сначала сочувственно посмотрел на гостя, но потом встрепенулся. Похоже, ему пришла в голову какая-то идея.

– Подождите, я тут кое-что вспомнил, – сказал он. – Кажется, к нам недавно пришло письмо от мисс Смит. Там должен быть ее адрес. Кстати, вы-то кем ей приходитеесь?

– Я ее близкий друг.

Искренние слова Вивасванта звучали убедительно.

– Ладно, пойду поищу, – сказал служащий и вышел из помещения.

– Вам повезло, – сообщил он, вернувшись с конвертом. – Вот вам адрес.

– Благодарю вас, – не веря в свою радость, счастливо рассмеялся Вивасвант, и служащий подивился, как ярко засверкали его необыкновенные глаза. – Тысячу раз благодарю.

Светлым апрельским утром Виргиния стояла у окна, в который раз радуясь, что ее дом на холме и отсюда так хорошо видны окрестности. Как все-таки здесь красиво! Девушка чувствовала удивительную приподнятость на душе. Она взглянула на самую дальнюю часть поля и вздрогнула. Кто это там едет? Но прежде чем подумать об этом, она уже со всех ног неслась вниз по лестнице и бежала, как сумасшедшая, по свежей зеленой траве. Ведь она знала: только у одного всадника в мире была такая осанка.

Виргиния даже не обратила внимания, что Вивасвант был в обычном дорожном костюме и без тюрбана. Не заметила она и следов страданий на его лице. Она летела ему навстречу, и он, спешившись, раскрыл ей объятия. Она, как безумная, целовала его лицо, глаза, губы, теребила его пышные черные волосы, смеясь и плача одновременно. А он, растроганный, пытался удержать в своих руках ее очаровательную головку и нежно проговорил:

– Прости меня, пожалуйста, прости меня за все.

Виргиния смотрела на него непонимающим взглядом полных слез глаз, а он настойчиво продолжал:

– Я не понял тогда, что ты – мое самое главное сокровище. Прости меня.

Девушка крепко обняла Вивасванта и рассмеялась.

– Мне нечего тебе прощать.

Она все еще не верила своему счастью. Не верила, что видит перед собой его прекрасное, родное лицо, может прикоснуться к нему, целовать его. Но Вивасвант должен был сказать ей все.

– Я люблю тебя, – говорил он. – Я влюбился в тебя, как только увидел тебя, а может, еще до этого. Я любил тебя все эти годы, когда ты была далеко, Виргиния, но теперь я хочу быть с тобой.

– Я тоже люблю тебя, – с улыбкой ответила мисс Смит, – с того момента, как увидела тебя на улице в Ванкувере. Я ждала тебя, Вивасвант.

Он подхватил ее на руки и понес к дому.

Стоя на крыльце и сжимая его руки, Виргиния сказала:

– Какая разница, где мы будем жить, ведь мы все преодолеем и везде будем счастливы, если всегда будем вместе.

СЛИШКОМ ТОНКАЯ НИТЬ

Посвящается Нарену и Поли

На пристани была, как всегда, ужасная толчея. Правда, на сей раз казалось, что как минимум весь Дувр, а то и вся Англия собралась в Лиссабон. Протиснуться в первые ряды пассажиров было совершенно невозможно, да и незачем – легче было следовать вместе с толпой. Однако Марию это жутко раздражало. Она терпеть не могла находиться в давке, поэтому энергично проталкивалась вперед. Для нее легче было выдержать натиск сзади, чем быть сдавленной со всех сторон. Люди, стоявшие у нее на пути, не смели мешать этой сильной и решительной женщине.

Мария была стройной, среднего роста брюнеткой с яркими карими глазами. Вряд ли можно назвать молодой женщину, которой под сорок, хотя Марии едва можно было дать тридцать. Она принадлежала к тому роду красавиц, которые никогда не были замужем. Конечно, у нее были романы, но дальше помолвки дело не заходило. Возможно, это как-то было связано с ее деятельностью. Она была поэтессой и сама выступала со своими стихами. Это была гордая и чрезвычайно независимая женщина. Ее обожали, но старались держаться от нее на расстоянии.

Настроение у Марии было не лучшим, и не только из-за давки. Она считала свою поездку в Англию неудачной. Ведь ей так и не удалось найти издателя для сборника стихов. Иногда Мария даже жалела, что отправилась в это путешествие, вместо того чтобы остаться на родине, в Канаде.

Мария обратила взгляд в сторону корабля и вдруг остановилась. На палубе она заметила странную пару: высокого, грузного мужчину в простой дорожной одежде, со смуглым лицом, вероятно, индеец, и изящную светловолосую женщину рядом с ним. Мужчина обернулся и посмотрел на берег. Его взгляд! Он был таким пронзительным, что становилось не по себе. К тому же Марии показалось, что из всех людей, двигавшихся по пристани, он искал именно ее. Она удивилась, но быстро пришла в себя и двинулась вперед, пообещав себе выяснить, кто этот человек.

Мария обедала в корабельном ресторане, сидя за столом в гордом одиночестве и наблюдая за залом. Особенно привлекали ее внимание индеец и англичанка, которых она видела во время посадки. Чандер и Элеонора... Теперь она знала, кто они, хотя и не была им представлена. Чандер был знаменитым религиозным деятелем, проповедником, ученым и философом, занимался изучением Вед, правда, в последнее время он несколько отошел от дел. Элеонора была его ближайшей ученицей и везде его сопровождала. Они сидели за столом молча, как люди, который давно уже свыклись с обществом друг друга. Взгляд Чандера больше не пылал болью и горечью, но его огромные черные глаза были грустными. Весь его облик выказывал отрешенность, именно отрешенность, а не задумчивость. Похоже, его не интересовало ни то, что происходит вокруг, ни то, что было у него внутри. Он выражал полнейшее равнодушие к самому себе. Это показалось Марии странным и даже испугало ее. Она перевела взгляд на Элеонору. Это была довольно молодая леди, приятная и привлекательная во всех отношениях, но имевшая измученный вид. Она производила впечатление женщины, прожившей много лет в браке и порядком уставшей от него. Хотя Мария знала, что они с Чандером не только не муж и жена, но даже и не любовники.

Большие серые глаза Элеоноры были такими печальными, что Марии стало не по себе. Глядя на скорбные фигуры этих двух людей, ей вдруг особенно захотелось жить и быть счастливой.

Жить для Марии означало читать стихи. В Лондоне она пару раз выступала в салонах, но совсем не собиралась заниматься этим на корабле. Однако теперь Мария передумала. Нарядившись в свое лучшее платье, она отправилась договариваться о вечернем выступлении. Ее предложение восприняли с радостью, и после ужина она предстала перед зрителями в кают-компании.

Мария была настоящей актрисой и истинной поэтессой. На сцене она не играла – она проживала целую жизнь. Ее стихи звали на борьбу со злом, несправедливостью, всем тем, что мешает жить, они призывали к примирению между народами и отдельными людьми. В них было особое, нежное чувство ко всему, что растет, движется и дышит. И, конечно, большая часть ее стихов была о любви.

Мария заметила, как заблестели, потухшие было, глаза Чандера. Казалось, этот горящий взгляд – единственное, что связывало его с окружающим миром и самим собой. Между ними установилась невидимая связь. Мария неосознанно вкладывала в свои стихи больше чувства, чем когда-либо. Ей показалось, что она почти победила, хотя и сама толком не знала, с чем борется. Но Мария не привыкла сдаваться. Она не умела сдаваться.

После представления Мария почувствовала себя усталой и разбитой. Ее не радовали даже бурные овации и восторг зрителей. Она вежливо, но наотрез отказалась от выступлений в последующие дни и удалилась к себе в каюту.

Мария положила на койку чемодан, открыла его и дотронулась до лежащего там странного вида платья из оленьей кожи с горностаевыми хвостами и бахромой. Почему она не надела его этим вечером? Мария подошла к зеркалу и провела рукой по лицу. Чем старше она становилась, тем больше проявлялась в ее внешности индейская кровь, доставшаяся ей от отца – вождя ирокезов. Мария подумала о своем народе – индейцах, о своих стихах, которые она посвятила им. Затем ее мысли обратились к Чандеру. Вспомнилось его немолодое, но все еще красивое лицо, его взгляд, то сверкающий, то отрешенный. От всего его облика веяло покоем, и он старался не привлекать к себе внимания. А несколько лет назад...

Несколько лет назад Чандер произвел в Америке фурор. Со своей проповедью человеческого величия и единства религий он объехал чуть ли не все города Соединенных Штатов и везде имел шумный успех. Люди аплодировали ему стоя после каждого его выступления. Женщины сходили по нему с ума. Его популярность была истероидной. В газетах о нем писали пополам восторгов и гадостей.

Марии припоминались слова ее подруги из Торонто, которая видела Чандера на лекциях не то в Бостоне, не то в Нью-Йорке: «Дорогая, как жаль, что тебя там не было! Это такой оратор! У него голос, как звук большого колокола. А какой мужчина! Прямо лев! Я была просто потрясена!» Мария тогда пожала плечами. Она совершенно не интересовалась иноземными проповедниками, будь они восточными или западными. Она вообще довольно-таки равнодушно относилась к религии. И вот судьба столкнула ее с Чандером, человеком, из-за которого женщины опрокидывали стулья. Эта мысль Марию рассмешила. Не желая больше копаться в памяти и выискивать там все, что она когда-либо слышала о Чандере, Мария решила, наконец, с ним познакомиться и легла спать.

Знакомство не заставило себя ждать. Когда на следующий день после завтрака Мария стояла на палубе и любовалась океаном, Чандер подошел к ней. Вид у него был благожелательный.

– Значит, Вы Мэри, – весело сказал он.

– Да, я Мэри, – в тон ему ответила она.

– Мэри-поэтесса.

Чандер улыбнулся, и Марии показалось, что она увидела того мужчину, которого когда-то обожали женщины.

– Мне понравились ваши стихи, – произнес он.

– Спасибо, – поблагодарила Мария, но про себя подумала, что, судя по тону, ее стихи ему именно «понравились», а не привели в восторг или потрясли. Тем не менее, его отзыв был ей приятен. Потом Чандер сообщил, что особенно подействовали на него сила и мужество, которые Мария воспевала в своих стихах. Они разговорились об английской поэзии. Чандер выказал необычайную начитанность, и это удивило его собеседницу. Мария, женщина-романтик с очерстневшим сердцем, как будто смягчилась в присутствии странного индийца. Она любовалась его великолепной осанкой, плавными «кошачьими» движениями. Несмотря на тяжеловесность его фигуры, в нем была некая внутренняя легкость. Марии было хорошо с Чандером, очень хорошо. Куда-то подевались тревога и беспокойство, которые она испытывала на своем вчерашнем выступлении. Они оба и не заметили, как быстро пролетело время. Пора было обедать. Мария и Чандер попрощались как лучшие друзья и пообещали друг другу встретиться вечером, самое позднее на следующее утро.

После обеда Мария закрылась у себя в каюте и пыталась осознать, что с ней произошло. Она полдня беседовала с человеком, которого считала весьма странным, но с которым мечтала познакомиться. И что из этого вышло? Он оказался умным, обходительным и приветливым мужчиной! Мария себе его совсем не таким представляла. Может, его безразличие ко всему окружающему ей только почудилось? Ведь она, Мария, не была ему безразлична! Мария подумала, что чересчур увлеклась. Что она себе вообразила? Уж не решила ли она завести роман с Чандером, в ее-то годы? Мария подумала, что это просто смешно. У нее за спиной больше половины жизни, а она ждет встречи с этим индийцем, как какая-то девчонка! Но с другой стороны, она ведь путешествует по морю и хочет хорошо проводить время. А что может быть лучше, чем находиться в обществе Чандера! Мария встала и тряхнула красивыми каштановыми волосами. Может, она уже и не молода, но ведь еще и не старуха, и пока не собирается умирать. Она улыбнулась и, несмотря на поздний час, вышла на палубу.

Вечер был прохладный, все-таки уже чувствовалось дыхание осени. Мария завернулась в шерстяную шаль и пошла в сторону кормы. Чандер стоял на палубе и молча смотрел на воду.

– Здравствуйте, – произнесла Мария.

– Добрый вечер.

Они смотрели друг на друга, как будто взглядами могли сказать больше, чем словами, и улыбнулись.

– Какая дивная ночь! – с чувством заметила Мария. Она хотела сказать «романтичная», но это определение скорее относилось к Чандеру. Своим скучающим видом он ей кого-то напоминал, и вдруг она поняла – Чайльд-Гарольда. Это сравнение ее развеселило, но она ничего не сказала, тем более что улыбка Чандера не была напускной, и он не рисовался.

Они некоторое время молчали, а потом Мария спросила:

– О чем Вы сейчас думаете, Чандер?

– О том, что мы живем в первом году нового века. Каким он будет, этот новый век? Ну, вот для Вас, Мэри?

– Понятия не имею, – ответила Мария, а про себя подумала: «Полагаю, ничего хорошего мне не принесет». Чандер продолжал, словно говоря сам с собой:

– Что будет главным в этом веке? Свобода. Люди поймут, что не могут без нее жить.

– Свобода? – эхом откликнулась Мария. – Я и так чувствую себя свободной.

– Да, Вы такая, – как бы отрываясь от собственных мыслей, сказал Чандер. – Я тоже всегда был свободным. Я разорвал все цепи, которые могли привязать меня к чему-то.

– Вы никогда не были женаты, Чандер?

– Нет.

– Почему? Боялись брать на себя ответственность?

– Дело не в этом. Просто у меня был другой путь. Я бродяга. Я не создан для семейной жизни.

Мария улыбнулась, но внутри почувствовала какую-то горечь. Она могла то же самое сказать о себе.

– Теперь все это неважно, – продолжал Чандер. – Мой день кончен. Я готовлюсь уйти.

Мария вздрогнула и резко спросила:

– Вы что, так серьезно больны?

– Болен? Телом – да, но морально мне очень хорошо. Лучше, чем когда бы то ни было.

– Тогда почему Вы собрались умирать?

– Я чувствую, что выполнил свою миссию. Я устал от этой жизни. Не скажу, что она была плохой – в ней были и победы, и поражения, и разочарования, но теперь все кончено.

– Нельзя так говорить, Чандер, – строго заметила Мария. – Один бог знает, когда мы умрем.

– Ну, я, наверное, умру не завтра, – рассмеялся Чандер. – Но сейчас я все вижу как будто со стороны. Я рад, что ни с кем не связан и никого не связал сам.

– Вы должны жить! – воскликнула Мария, чуть было не добавив: «ради меня».

– Я пока жив. Знаете, в этом мире много прекрасных людей и прекрасных творений, и мне жаль будет его покидать.

– Так-то лучше.

– Скажите, Мэри, а Вы были в Лиссабоне? Это красивый город?

– Я не была, но говорят, очень красивый. Правда, мы туда еще не скоро приедем. Ладно, Чандер, по-моему, уже поздно...

– Верно. А я еще обещал заглянуть к Элеоноре перед сном. Надеюсь, я Вас не очень утомил, Мэри.

– Нисколько. Мне с Вами очень интересно, Чандер.

– Тогда до завтра. Приходите на палубу в то же время, что и сегодня. Я Вас приглашаю на прогулку.

– Приду.

Мария взмахнула рукой на прощание и удалилась легкой походкой, какой у нее давно уже не было.

В ту ночь она не могла уснуть. Напротив, все, что с ней произошло за два предыдущих дня, казалось ей сном. Мария встретила человека необычайно близкого по духу, и стала подумывать о том, что надо изменить свою жизнь. Впервые ей страстно захотелось иметь свою семью, но она боялась, что это желание останется только мечтой.

Элеонора не стала спрашивать Чандера, откуда он явился так поздно. Это было не в ее правилах. Он, похоже, ничего не собирался ей объяснять. Ночью, как обычно, у Чандера был сердечный приступ, и Элеонора, как терпеливая сиделка, молча давала ему лекарство. Она, конечно, заметила в нем перемену, но ничего не сказала по этому поводу.

В течение следующего дня Мария ни разу не видела Чандера. Она уже стала сомневаться, что встретится с ним вечером, но все же надела после ужина свое самое красивое платье и долго рассматривала себя в зеркало. Мария несколько раз обозвала себя дурой за пустые, как она считала, надежды и попыталась сохранить как можно более скептическое настроение. У нее ничего не получилось. Она вылетела из каюты как на крыльях и поразила встретившихся ей в коридоре пассажиров сияющим видом.

Пока Мария шла по палубе, ее сверлила одна-единственная мысль: «А вдруг он не придет!» Это казалось ей концом света. Она старалась внушить себе, что романтическое свидание – не более чем милое приключение, но оказалась не в силах противостоять сердцу, которое рвалось к Чандеру.

Мария нашла его на том же месте, где и накануне. Она встала рядом, они долго смотрели друг другу в глаза, а потом перевели взгляды на море.

– Я Вас ждала, – неожиданно произнесла Мария.

– Разве? По-моему, я пришел первым.

– Я про другое.

Мария замолкла, а Чандер внимательно посмотрел на нее, решительным жестом повернул к себе ее голову и поцеловал ее в губы.

Она вздрогнула от неожиданности, но не отпрянула. Наверное, Мария ожидала больше страсти от этого поцелуя, а Чандер был несколько сдержан. Однако когда она взглянула в его глаза, то нашла в них нежность. Ласково проведя рукой по ее щеке, он сказал:

– Мне кажется, Вы хотели этого, Мэри.

– А Вы разве этого не хотели, Чандер?

– Вероятно, хотел.

Они обнялись, и Мария не без сладострастия ласкала его грудь и плечи. Ее тело горело. Женский возглас заставил ее обернуться.

– Ай!!!

В проходе стояла Элеонора с перекошенным от ужаса лицом. Мгновенье она смотрела на Чандера и его спутницу немигающими глазами, а потом резко бросилась прочь.

– Подождите меня здесь, – крикнула Мария. – Я ее догоню.

Она настигла Элеонору в коридоре и схватила за руку.

– Послушайте меня, – резко сказала Мария, – я Вам все объясню. Вы нас неправильно поняли. Мы не сделали ничего дурного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.